

XXIII
Е Ж Е Г О Д Н А Я
БОГОСЛОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Москва
Издательство ПСТГУ
2014

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5
Е-36

Главный редактор

Протоиерей Владимир Воробьев

Редколлегия:

А. В. Аксенов, К. А. Александрова, В. А. Андросова, С. В. Заплатников,
Г. Е. Захаров, А. А. Кострюков, Л. И. Маршева, И. Е. Мельникова,
А. С. Небольсин, свящ. Андрей Постернак, Д. В. Пушкина,
О. Н. Соколова, А. В. Соловьев

Е-36 XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. — 418 с.

ISBN 978-5-7429-0867-8

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-7429-0867-8

© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014

Усачева А.В. Румынский роман «нулевых»: темы и развитие жанра 284

Германская филология

А. С. Бакулина. Некоторые предложения Иоганна Кристофа Готтшеда по кодификации синтаксиса немецкого литературного языка XVIII века286
 Е. Г. Кошкина. Семантическая трансформация: причины и типология287
 Юж С. И. Роль искусства в романе Э. М. Форстера «Ховардз-энд» 290
 А. Б. Германская. Повествовательные стратегии в новелле «Улыбка» Д. Г. Лоренса292
 А. В. Аксенов. Христианство в романе Т. Уайлдера «мост короля Людовика Святого».....293
 Н. В. Шпилова. Мифологическое измерение городского пейзажа в британской и ирландской литературе 1940-х гг.295

Церковное пение

И. Р. Корнышева. Эстетическое выражение «музыкальной теургии» в современном православном искусстве297
 И. В. Коврова. К вопросу изучения партесной литургии (на материале рукописи ГИМ Син. Певч. № 342).300

Христианские социальные науки в России: время становления

Чурсанов С. А. Ключевые составляющие методологии христианских социальных наук305
 Шамиурин В.И. Религиозно-философское основание политики и социальных отношений307
 Шаронова С.А. Концепция духовного капитала.....320
 Трофимов С.В. Социология Христианства: католическая традиция325
 Р. Н. Лункин. Православная община и окружающее общество: путь к христианскому милосердию....329
 Елишев С.О. Ценностные ориентации современной российской молодежи и молодежная политика в РФ331
 Рыбакова В.В. Отношение к религии и моральные регулятивы современных белгородских студентов336
 Михненко П.А. Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Москва.....338
 Смулов А.М. Внешние системные кризисы и управление экономическими аспектами деятельности Русской Православной Церкви339
 Ерохов С.В. Перспективы закрепления института Православной Церкви в Конституции Российской Федерации 342
 Харкевич Максим Владимирович. Современное глобальное управление: вызовы для христианства 343
 Сапронова М.А. Ближневосточные христиане в контексте событий «арабской весны» и меняющейся региональной ситуации 345

Педагогика

Абрамов Сергей Иванович. Игорь Петрович Иванов: «Я думаю о будущем» (К 90-летию со дня рождения). 348
 Игумен Варсонофий (Чугунов). Создание православной молодежной общины «Преображение» – первый опыт352
 Десятов. Проектная технология и особенности ее использования при реализации межпредметных связей в обучении младших школьников.....355
 Макарова Е. В. Коммуникативные и стилевые особенности речи православного педагога.....357
 Свящ. Олег Мумриков. Христианско-апологетические аспекты курса «Естественнонаучная картина мира» в рамках подготовки бакалавров по профилю «Начальное образование» на педагогическом факультете ПСТГУ360
 Мумрикова Л.И. Концепция и практическая реализация курса «Добрый мир» (православная культура для дошкольников) в Московской области на примере Мытищинского района в 2012/13 гг.365
 Назарова Т.Л. Методика преподавания Закона Божия в трудах законоучителя Е.Ф.Сосунцова 371
 Низовская И.Г. Становление личности воспитанников в воскресной школе..... 373

су и т. д. Совершенно очевидно, что стихотворение Томаса Худа «У смертного одра» (*The Death-Bed*, 1821–1845) цитируется повествователем по памяти: оригинальный метр сохранен, но некоторые строки перефразированы.

Следует обратить внимание и на следующие повествовательные особенности. Во-первых, после определенной, как правило, краткой, пейзажной зарисовки часто сообщается, что Мэттью «смотрел невидящим взглядом», «глядел в никуда», т. е. был глубоко погружен в себя и едва ли мог рассказать о том, что осталось вне его внимания. Во-вторых, читателю дается не только психологический, но и внешний портрет Мэттью. В-третьих, не следует забывать, что и главный персонаж здесь — «он», а не «я». Все это не характерно для исключительно «внутреннего» монолога. Очевидно, в рамках данной новеллы происходит сопряжение различных, субъектного и более объективированного, типов повествования.

В роли стороннего, объективного рассказчика, вероятно, выступает человек, уже частично осведомленный о жизни Мэттью. В пользу данного предположения говорит следующее: начало повествования с момента, когда «все уже случилось»; ретроспекция, носящая не информативный характер, а выполняющая, скорее, функцию «оплакивания», «причитания», эмоциональной разгрузки; отсутствие стремления к пространственно-временной конкретизации и детализации; свобода в выражении субъективности; открытый финал, обрывающий повествование на «полуслове». Итак, адресатом «внутреннего» повествования выступает некий невидимый и практически неосязаемый друг Мэттью, который, тем не менее, порой заявляет о вероятности своего существования через сторонние описания.

Мир, воссозданный в новелле, едва ли настолько реален, чтобы некий «всезнающий» повествователь решился засвидетельствовать его существование и тем более обогатить деталями, точными пространственно-временными характеристиками. Движение здесь, пожалуй, не означает смены координат на плоскости, новелла состоит из двух-трех эпизодов-сцен, пять персонажей из шести названных статичны, фокусом всего словно становится сам загадочный образ «улыбки». При этом он напоминает означающее без означаемого — неясна не только *причина* улыбки, но и *кто* именно улыбается. Так, например, с точки зрения монахинь (в этот момент повествование делегируется ими), улыбается и сама Офелия. Применительно к этому можно говорить еще об одном «голосе» или «хоре голосов», состоящем из персонажей, которые до этого характеризовались исключительно как статичные, фоновые.

В конце новеллы происходит частое переключение с одного повествовательного ракурса на другой, например: «внутренний» (сам главный персонаж) — «внешний» (его друг; описание поведения монахинь в «прощальной» комнате, когда Мэттью ее уже покинул) — «внутренний» (монахини; о возвращении Мэттью говорится очень отстраненно). В итоге повествование просто обрывается на полуслове, оставляя читателя в недоумении. Однако, при очевидном отсутствии как единого повествовательного ракурса, так и четко очерченной сюжетной линии, новелла не утрачивает целостность, благодаря тонкому сплетению повествовательных планов и постепенному «ускорению» художественного времени. Данная весьма оригинальная организация текста свидетельствует, на наш взгляд, о прозаической экономности и высоком мастерстве Лоренса-новелиста.

А. В. Аксенов (ПСТГУ)

ХРИСТИАНСТВО В РОМАНЕ Т. УАЙЛДЕРА «МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»

Роман Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого» (1927) религиозен по своей основной идее. Религиозная тема вводится через название, являющееся топонимом с именем святого, и получает свое разрешение в последней фразе повести: «There is a land of the living and a land of the dead, and the bridge is love, the only survival, the only meaning»⁴⁴⁹ (115). В этой фразе обозначены важнейшие темы романа — любовь, смерть и смысл жизни. Содержание всего романа составляют напряженные поиски смысла, которые совершаются перед лицом смерти. Но это роман не о смерти, а об избавлении от нее, «the only survival, the only meaning». Спасительной силой здесь служит любовь, понимаемая в христианском смысле.

Действие романа происходит в Перу в начале XVIII века. На протяжении всего повествования мы помним, что находимся в глубоко религиозной стране. Религиозность эта проявляется в формах «народного благочестия» и богослужебной практики, в речи персонажей и их поведении. Христианство

⁴⁴⁹ Здесь и далее все цитаты из романа приводятся по изданию: *Wilde, Th. The Bridge of San Luis Rey*. Longmans, Green & Co. Ltd., 1962 с указанием в скобках после цитаты номера страницы.

присутствует в романе и на более отвлеченном уровне, являясь его объединяющей идеей. Мы рассмотрим именно духовный аспект христианства и его роль в судьбах главных персонажей романа.

Внезапная смерть пятерых путников в результате обрушения моста Людовика Святого предстает человеческому уму как чистый случай действия Провидения. По этой причине ее случайный свидетель, монах-францисканец брат Юнипер, выбирает ее для богословского исследования, имеющего целью доказать разумность Провидения, оборвавшего жизнь этих пяти человек. Рассмотрим предпосылки и сущность исследования брата Юнипера.

«Either we live by accident and die by accident, or we live by plan and die by plan» (3) — так выражена неумолимая мировоззренческая альтернатива, представшая уму брата Юнипера. Первая точка зрения характерна для нерелигиозного сознания, вторая — для религиозного. Согласно христианскому учению, миром управляет благой Промысл Божий. Это есть предмет веры и не требует доказательств. Доказательства благодати Божией требуются сомневающемуся уму. С сомнением своих пасомых сталкивается и брат Юнипер, и его исследование есть попытка преодолеть неверие в русле томистического рационализма: «He merely wanted to prove it, historically, mathematically, to his converts — poor obstinate converts, so slow to believe that their pains were inserted into their lives for their own good. People were always asking for good sound proofs» (4). Согласно апостолу, «вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11. 1). Когда обращенные индейцы («poor obstinate converts») требуют доказательств, это обнаруживает неполноту их обращения. Отыскивая и приводя доказательства, брат Юнипер умаляет значение свободной веры в глазах своей паствы, поощряет поиск оснований для веры вне собственного сердца и живого богообщения. В этом брат Юнипер идет по пути схоластического рационализма. «It seemed to Brother Juniper that it was high time for theology to take its place among the exact sciences» (3). Такая позиция подразумевает, что и Бог, и природа подчиняются одним и тем же рационально познаваемым законам. Это — характерное для язычества уподобление Бога природе, Творца твари. В этом, очевидно, и кроется причина печальной участи брата Юнипера, пострадавшего от инквизиции за свое сочинение. Между тем, его выкладки являются лишь крайним проявлением рационализма, характерного для западной богословской традиции. Не вдаваясь в подробный разбор этой проблемы, заметим, что с богословской и миссионерской точек зрения попытка брата Юнипера проникнуть разумом в тайну судеб Божиих, «to surprise His intentions in a pure state» (4) — была заведомо обречена на неудачу. Как сказано у пророка Исаии, «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис 55. 8–9). И в новозаветные времена апостол Павел восклицает: «О бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим 11. 33–34). Не органична для традиционного христианства и практическая, миссионерская задача брата Юнипера — оправдать Бога перед людьми, «to justify the ways of God to man» (4; это почти дословная цитата из «Потерянного рая» Милтона). Христианство исповедует, напротив, оправдание человека перед Богом.

Таким образом, исследование брата Юнипера исходит из ложных посылок и представлений о Боге, человеке и их взаимоотношениях. Конечно, мотивы брата Юнипера благочестивы — защитить в «век Просвещения» веру от насмешек неверующих («great many sneers», 103), но в путях воплощения этой задачи он оказался заложником чрезмерной рассудочности своей богословской традиции. Поэтому духовные результаты всех этих выкладок оказываются отрицательными.

Но если брат Юнипер потерпел неудачу как апологет и проповедник, его работа не пропала как исторический, философский и литературный опыт. Его труд есть попытка познать смысл человеческого существования перед лицом смерти — и противостоять ей утверждением этого смысла. Брат Юнипер спасает от забвения пятерых путников, тем самым закладывая основу разрешения проблемы смерти не абсолютными религиозными, но относительными эстетическими средствами. Фактографический труд брата Юнипера использован повествователем романа для создания произведения, в котором «живут» многие характеры (в том числе и сам брат Юнипер), вызванные к жизни средствами искусства слова. Эти характеры объемны и закончены. В романе Уайлдера художественная логика приводит к разрешению вопроса о смысле — к тому, что не смог сделать брат Юнипер рациональными средствами, но чему он послужил своим трудом.

В судьбах других персонажей романа — маркизы де Монтемайор, Эстебана, дяди Пио, Камилы Перикола, матери Марии — последовательно раскрывается религиозный смысл. Главным здесь оказывается любовь — центральное понятие христианства. В русле христианской аскетической традиции Уайлдер различает два значения слова «любовь». О Камиле Периколе рассказчик замечает: «She had never realized any love save love as passion. Such love, though it expend itself in generosity and thoughtfulness, though it give birth to visions and to great poetry, remains among the sharpest expressions of self-interest» (95). Такая

себялюбивая любовь-страсть владеет на определенном этапе всеми персонажами романа. Она противопоставлена тому, что названо в романе словом «loyalty». Продолжим нашу цитату: «Not until it [passion] has passed through a long servitude, through its own self-hatred, through mockery, through great doubts, can it take place among the loyalties» (ibidem). По этому скорбному пути проходят главные персонажи романа, и в этой второй любви (понимаемой нами как христианская) они находят смысл и завершение пути.

Смерть пятерых на мосту, будь она случайна или промыслительна, предваряется и сопровождается духовным перерождением людей — самих погибших и их близких. Все центральные персонажи романа совершают путь очищения и преобразования своего естественного чувства любви, эгоистичного по природе, в нечто сродное духовной христианской любви. Все они, так или иначе, переходят от самозамкнутости в себялюбивых чувствах — через крестное преобразование этих чувств — к преодолению смерти в самоотверженной любви, неразрывно сопряженной с верой.

Заключительная фраза романа, как было сказано, сводит воедино его главные темы: смерть, смысл существования, любовь. «There is a land of the living and a land of the dead and the bridge is love, the only survival, the only meaning». Звучащий в названии романа топоним «Мост короля Людовика Святого» приобретает в свете этой фразы символическое значение. Обрушение моста, приведшее к переходу пятерых спутников от жизни к смерти, одновременно способствовало воздвижению невидимого моста между жизнью и смертью. Этот мост — святая любовь, «единственный смысл, единственное спасение».

Н. В. Шупилова (ПСТГУ)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПЕЙЗАЖА В БРИТАНСКОЙ И ИРЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-Х ГГ.

В течение нескольких десятилетий британская литература, посвященная Второй мировой войне, находилась в тени литературы времен Первой мировой. Подобно тому как сама Первая мировая оставалась в народном сознании «Великой войной», романы «потерянного поколения» и стихи «окопных поэтов» ценились больше, нежели проза и поэзия 1940-х гг.

В двадцатом веке, однако, наблюдается всплеск интереса к литературе сороковых и, в особенности, к кругу произведений, связанных с бомбежками Лондона (в британской традиции их принято называть «литературой Блица»). В первую очередь следует упомянуть работы Марины Маккей и Лео Меллора. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть ряд произведений эпохи Блица с точки зрения мифологизации городского пейзажа.

Лондонский Блиц — странная, непредставимая война: мирное население в ней гибнет так же, как солдаты, и при этом, в отличие от мирных жителей на континенте, не видит врага в лицо. Для населения оккупированной Европы нацистский солдат — человеческий противник; как бы ни был искажен его человеческий облик, он, в конце концов, смертен. Для лондонцев времен Блица бомбардировщики люфтваффе — максимально обезличенная сила.

Эта уникальность войны фактически задает систему координат для большей части литературы 1940-х гг., две оси которой — это, с одной стороны, поиск «врага среди нас», «врага-внутри», с другой — мифологизация всего исторического контекста.

Происходящее в британской литературе 1940-х гг. — типичная ситуация мифотворчества XX века. Варианты мифологизма могут быть различны: встречается и реконструкция классического мифа, но чаще писатели прибегают к вскрытию глубинных пластов человеческого мышления, вечных, архетипических констант, конструируют собственную мифологическую систему примерно так же, как это делали Джойс или Кафка.

Авторы 1940-х гг. — это продолжатели модернистской традиции, при этом модернистский миф оказывается помещен в военный и урбанистический контексты. Тема грядущей катастрофы в сочетании с городским пейзажем уже использовалась модернистами: это и «черный» экспрессионизм немецких поэтов, и Т. С. Элиот. Если лирический герой-визионер Георга Гейма пророчесствует грядущий Страшный Суд, элитовский Тиресий видит гибель Европы вслед за другими великими цивилизациями, то писатели Блица буквально живут внутри этого Апокалипсиса. Лондон еще существует, но Лондон — наполовину руины.

Луис Макнис, поэт ирландского происхождения, никогда не думал о себе как о британце, но ощущал как трагедию нейтралитет Ирландии и, имея возможность безопасно жить в США, счел своим долгом во время войны находиться в Лондоне.

На опыте лондонских бомбежек основано одно из знаменитейших военных стихотворений Макниса «Брат Огонь». В нем бездушное пламя превращается в обезумевшего пса, который несется по лондонским